

Пролог

ГЕНИАЛЬНАЯ СВИНЬЯ

В мраморном кабинете с красными стенами у палисандрового письменного стола сидели три человека.

Двое молчали, один говорил — сначала медленно, будто через силу, то и дело устало потирая пальцами набрякшие веки, потом все громче, энергичней. Наконец вскочил, принялся расхаживать вдоль стола, стремительно разворачиваясь на каблуках и помогая себе жестами нервных рук. Голубые глаза наполнились сиянием, голос звенел и вибрировал, щека дергалась в гневном тике, но рот оставался безмятежным и таил в углах тень мечтательной улыбки.

Слушатели (один из них был в черной адмиральской форме, другой в серой генеральской) отлично знали, что чередование вялости и напора, шепота и крика, языка цифр и вдохновенного камлания не более чем прием профессионального оратора, и всё же поневоле ощущали на себе магию этой странной, известной всему миру полуулыбки.

Говорил диктатор могущественнейшего государства Европы, самый обожаемый и самый ненавидимый человек на Земле.

Слушали начальник военной разведки и его заместитель, вызванные в Рейхсканцелярию на секретное совещание, от исхода которого зависела жизнь и смерть десятков миллионов людей.

Но человек с неистовыми глазами и улыбчивым ртом говорил не о смерти, а о счастье.

— ...Счастье германского народа, его будущее поставлены на карту. Еще две недели назад казалось, что положение наше незыблемо, а перспективы грандиозны. Но югославская авантюра наших врагов заставила меня приостановить подготовку «Барбароссы». Пришлось спешно тушить пожар, возникший в тылу. Малoverы зашептались, что время упущено, что осуществление плана придется отложить на следующую весну. И что же? — Пальцы стремительно ухватились за кончик острого носа, с силой дернули за маленький колючий ус. — Я преподнес миру очередной урок, я раздавил югославскую армию за одну неделю! Военная операция началась 6 апреля, а сегодня, 12-го, ее можно считать триумфально завершенной. — Короткая пауза, подбородок мрачно опустился, на лоб упала длинная косая прядь, голос сник. — ...Но переброска тридцати дивизий с востока на запад, а потом с запада на восток заставляет терять драгоценное время. Нанести удар 15 мая, как предусматривалось планом, не удастся. Генеральный штаб докладывает, что теперь нам никак не начать раньше второй, а то и третьей декады июня. Главный вопрос — сумеем ли мы в такие жесткие сроки, до начала зимы, выполнить поставленные задачи: уничтожить основные силы Красной Армии и выйти на линию Архангельск — Волга. Мы рассчитывали на пять месяцев, а остается только четыре. Мне говорят, что именно этого украденного месяца нам не хватит для окончательной победы. Быть может, лучше в самом деле дождаться следующего года?

Подрагивающая рука сделала неуверенный жест, потеряла висок. Плечи согнулись, словно под бременем тяжелой ответственности, глаза скорбно закрылись.

Теперь пауза получилась долгой — пожалуй, на полминуты.

Начальник разведки, человек еще не старый, но совершенно седой, осторожно покосился на своего помощника. Тот слегка поморщился, что означало: решение всё равно уже принято, к чему эти театральные эффекты?

Рейхсканцлер вскинул голову — в широко раскрытых глазах светилась непреклонная воля.

— Господа умники не понимают простой вещи! — Рубящее движение сжатого кулака. — Лавина, обрушившаяся с вершины, не может остановиться. Всякий, кто попытается встать на ее пути, погибнет. Движение — победа, любая остановка — крах. Да, в общей сложности мы потратим на Югославию целый месяц. Теперь «Барбаросса» становится еще более рискованным предприятием. Но я знаю, чем мы компенсируем потерю времени. До сих пор мы делали ставку на военный перевес: человеческий, технический, стратегический. Подготовка большевиков к обороне нас не пугала. Наоборот, мы хотели, чтобы они сосредоточили на границе как можно больше сил — тогда мы уничтожили бы Красную Армию первым же натиском. Но теперь схватка с хорошо подготовившимся противником слишком рискованна: мы не можем увязнуть в приграничных боях, а потом вести долгое преследование потрепанного, но не сломленного врага. Удар должен быть не только сокрушительным, но и, — многозначительная пауза, — неожиданным.

Адмирал и его заместитель, не сговариваясь, слегка подались вперед. Лица остались непроницаемыми, но рука генерала произвольно коснулась правого уха — после давней контузии оно не очень хорошо слышало.

Остановившись, диктатор смотрел на них сверху вниз.

— Да-да, господа, вы не ослышались. Удар должен заставить врага врасплох. В сложившейся ситуации фактор внезапности обретает первоочередное, даже решающее значение.

Кашлянув, начальник разведки тихо сказал:

— Но это совершенно исключено, мой фюрер. Мы ведем подготовку к восточной кампании уже несколько месяцев. На границы России, от Балтики до Черного моря, выдвигается пять с половиной миллионов солдат, тысячи самолетов и танков. В истории еще не бывало войсковых перемещений такого масштаба. Мы не ставили себе задачу скрыть наши приготовления от НКВД. В любом случае

это было бы нереально. Какая же тут может быть внезапность?

— Не знаю! — Лицо рейхсканцлера было каменным, скрещенные на груди руки больше не дрожали. — На этот вопрос мне ответите вы. И не позднее чем через 24 часа. Абвер для того и создан, чтобы решать невозможные задачи!

— А если задача окажется не имеющей решения?

Чем громче и жестче говорил фюрер, тем мягче и приглушенной звучал голос адмирала.

— Тогда я откажусь от «Барбароссы»... — По лицу диктатора пробежала судорога. — Я не поставлю судьбу Рейха на слишком слабую карту.

Фюрер порывисто наклонился, положил адмиралу руку на витой погон.

— Но вы решите мне эту задачу, я вас знаю. Точную дату удара я назначу лишь после того, как вы гарантируете мне внезапность. На боевое развертывание войскам понадобится десять суток. Значит, число «Зет» — это день вашего рапорта плюс десять дней... Всё, господа. Идите, думайте.

Руководители разведки медленно поднялись. Окинув взглядом их помрачневшие лица, рейхсканцлер пожал плечами, снисходительно обронил:

— Я дам вам ключ. Цельте в Азиата, прочее несущественно. И вот еще что. Без прусского чистоплюйства. Я санкционирую любые меры, любые. Лишь бы был результат. И так, через 24 часа вы дадите мне решение. Или его будут искать другие.

И великий диктатор склонился над бумагами, давая понять, что совещание окончено.

Адмирал и генерал молча шли через анфиладу помпезных залов, облицованных порфиром, — мимо белокурых охранников лейбштандарта, под растопыренными крыльями имперских орлов, венчавших гигантские бронзовые двери.

У Западного подъезда Рейхсканцелярии, на Воссштрассе, ждал черный «опель» — не очень новый и в отличие от соседних лимузинов не надраенный до ослепительного сияния. Адмирал не любил внешних эффектов.

Заходящее солнце окрашивало гранитные ступени ровным кармином. Руководители Абвера спустились по ним в строго иерархическом порядке: впереди начальник, за ним в почтительном полушаге заместитель, тоже седой, сухопарый, сдержанный в движениях — этакая тень своего начальника, разве что заметно выше ростом, но тени в этот предвечерний час и полагалось быть длиннее оригинала. Однако, опустившись на сиденье, отгороженное от шофера звуконепроходимой стеклянной перегородкой, генерал перестал изображать субординацию.

— Как тебе это нравится, Вилли? — зло сказал он и забарабанил пальцами по колену.

— М-да, — неопределенно ответил адмирал.

Помолчали, глядя один влево — на окна мертвого британского посольства, второй — направо, где сразу за мрачным зданием прусского министерства культуры располагалось посольство СССР.

Лимузин повернул на Унтер-ден-Линден, где вместо знаменитых, недавно вырубленных лип торчала шеренга мрачных колонн с орлами и знаменами.

— А что скажешь ты, Зепп? Машина чистая, утром проверяли, так что можешь не осторожничать.

Долго упрашивать генерала не пришлось. Он процедил:

— Свинья. Пошлая самовлюбленная свинья. Слава Богу, мне приходится любоваться на него реже, чем тебе.

— Свинья-то он, конечно, свинья, — согласился адмирал, — но гениальная. И, главное, чертовски везучая. В прошлую войну мы возились с Сербией четыре года, а он справился за одну неделю. Давай смотреть на вещи трезво. После революции Германия превратилась в навозную кучу, и без такого вот борова нам из дерьма было не вылезти.

Заместитель с этим, кажется, был согласен. Во всяком случае, тон из злобного стал брюзгливым:

— Лучше бы мы увязли в Югославии месяца на два. Тогда вопрос снялся бы сам собой, а так получается ни то ни сё. От новой победы свинья только пуще распалилась, еще больше уверовала в свою звезду.

— А может быть, у него и в самом деле счастливая звезда? — философски заметил адмирал.

— Может быть. Но я не звездочет. Я специалист по информационным и дезинформационным стратегиям. А также хирург узкоспециального профиля.

Начальник улыбнулся, оценив метафору.

— Ну так займемся своим делом, Зепп, а движение звезд доверим Господу Богу.

«Опель» уже выехал на набережную Тирпица, где в здании Верховного командования находился кабинет начальника разведки. Четверть часа спустя старые товарищи сидели в уютных креслах друг напротив друга и пили густой восточный кофе, сваренный алжирским слугой адмирала. На коленях у шефа Абвера блаженствовала любимая такса Сабина, в плотных трикотажных трусиках малинового цвета. У нее начиналась течка, и хозяин забрал Сабину из дому, чтобы не волновать кобелька Сеппля.

Кабинет адмирала был полной противоположностью мраморного зала, в котором разведчиков принимал рейхсканцлер. Довольно тесная, скромно обставленная комната создавала ощущение покоя и домашности. Висевшие на стенах фотографии (прежние руководители разведки, а также личный друг хозяина генерал Франко) были похожи на портреты родственников. Даже географические карты на стенах не столько наводили на мысли о геополитике, сколько будили воображение, заставляя думать об экзотических морях и дальних странствиях — этому способствовала и морская форма обитателя кабинета, и модель крейсера, стоявшая на письменном столе.

Был на столе еще один необычный предмет, хорошо знакомый всему центральному аппарату, — три бронзовые обезьянки: одна закрывала лапками рот, другая уши, третья глаза. Адмирал потянулся, рассеянно погладил всю троицу по головкам — была у него такая привычка в минуту особенной сосредоточенности.

— В Абвере считают, что это символ разведки: умей смотреть, умей слушать и знай, о чем надо помалкивать, — ска-

зал генерал. — Но, по-моему, хороший разведчик должен держать глаза и уши всегда открытыми, а рот использовать, чтобы морочить противнику голову.

— Разумеется. — Адмирал почесывал Сабине длинное бархатное ухо — такса жмурилась, как кошка. — Мой обезьянник — не символ разведки. Это напоминание самому себе о заповеди буддизма, без которой нельзя достичь Просветления: не созерцай Зло, не внимай Злу, не изрекай Зла.

Заместитель хмыкнул:

— Извини, Вилли, но на праведника ты не похож. Не тот у нас с тобой род занятий.

Улыбнулся и начальник:

— Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя воинем Добра. Я давно живу на свете, но ни разу не видел, чтобы Добро вступило в единоборство со Злом. Всякий раз одно Зло воюет с другим Злом. Поэтому, дружище, у меня никогда не было особенного выбора. Но я горжусь тем, что всегда был на стороне Меньшего из Зол. Во всяком случае, искренне в это верил, продолжаю верить и теперь...

Хозяин говорил не спеша, размеренно, генерал лениво ему кивал, но думали оба совсем о другом, что и стало окончательно ясно, когда адмирал безо всякого перехода, не меняя интонации, вдруг сказал:

— Каково, а? «Я откажусь от Барбароссы». Ни черта он не откажется, просто через 24 часа назначит вместо нас с тобой других исполнителей. А может быть, пускай назначит?

Генерал слушал внимательно, но пока помалкивал.

— Нет, не годится, — сам себе ответил адмирал. — И дело не в том, что такой оборот событий чреват для нас с тобой серьезными личными неприятностями. Беда в другом: никто кроме нас этот ребус не решит. Напридумывают какой-нибудь ерунды, и свинья ее заглотит, потому что отступить не может и не хочет. Тогда вместо короткой войны мы получим длинную, во сто крат худшую. Как сказал мудрец: «Неприятность лучше несчастья, а несчастье лучше катастрофы». Опять я оказываюсь на стороне Меньшего Зла, в противовес Злу Большому.

Заместитель крикнул.

— Вилли, ты слишком любишь философствовать. Пора сформулировать условия задачи.

— Что ж, попробуем, — кротко развел маленькими ручками адмирал. — Мы должны добиться того, чтобы русские, как говорится в их же пословице, видели деревья, но не сообразили, что это темный лес, в котором прячутся зубастые волки.

— Пословица звучит не совсем так, но это неважно.

— А раз неважно, то не перебивай меня, — огрызнулся начальник.

Перепалка, впрочем, была не всерьез. Адмирал продолжил:

— Итак, русские видят перед собой две сотни готовых к наступлению дивизий, но при этом должны быть твердо уверены, что Германия на них не нападет.

Он красноречиво пожал плечами.

Заместитель подхватил:

— Прибавь к этому, что советская разведка наверняка уже пронюхала о существовании плана «Барбаросса», что она ежедневно получает тревожную информацию из ста различных источников. Как тебе известно, НКВД активно восстанавливает свое немецкое направление и занимается этим мой старый знакомый, противник весьма и весьма опасный.

— «Чем сложнее препятствие, тем меньше позора при неудаче», — процитировал адмирал еще одну восточную мудрость. — Начнем с очевидного. Пункт один: дипломатия. Риббентроп должен активизировать тайные переговоры с Молотовым о стратегическом союзе Германии, Советского Союза и Японии. В качестве первого шага японцы подпишут с большевиками пакт о нейтралитете. Курировать дипломатов будет отдел «Аусланд». Пункт два: бумажный тигр...

— Как мне надоели твои восточные цветистости, — пожаловался генерал. — Что еще за тигр?

— Англия. В публичных речах и особенно на закрытых совещаниях Фюрер должен имитировать параноидальный

— Извини, Вилли, но на праведника ты не похож.

страх перед непокоренным Альбионом. Эта роль у нашего парнокопытного отлично получится. Генштаб займется срочной разработкой броски через Турцию в Иран и на Ближний Восток, к Суэцкому каналу, чтобы перерезать пуповину, соединяющую Лондон с главными колониями. Работа будет проходить в обстановке строжайшей секретности, но с тщательно спланированными утечками. Курирует операцию отдел Абвер-1. Идем далее. К каждой воинской части в группах армий «Север», «Центр» и «Юг» прикомандировать английских и арабских переводчиков. Этим займутся Абверштелле приграничных округов. Далее. Мы произведем массовую заброску агентов в Иран — через советскую территорию. Прикрытие обеспечит группа «Ост». С пунктом два вроде бы всё, переходим к пункту три: «Волк! Волк!» Прости, Зепп, — вскинул ладонь адмирал. — Я забыл, ты не любишь аллегорий. Я имею в виду притчу про шутника, который кричал «Волк! Волк!», и в конце концов ему перестали верить. Будет несколько ложных тревог: сначала русские получают информацию о том, что мы, несмотря на югославскую канитель, все-таки ударим 15 мая; потом — что война начнется 20-го, потом — что 1 июня. Вброс информации мы осуществим через известных нам советских агентов влияния, чтобы дискредитировать их в глазах Москвы. Эту разработку буду вести лично я. Ну, как тебе?

— Как гарнир неплохо, — протянул генерал, глядя в сторону и быстро помаргивая. — Но что такое картофельное пюре и кислая капуста без хорошего куска мяса?

— Согласен. Для успеха нужен некий финальный штрих, точное тушэ, нанесенное в правильно рассчитанный момент. И только тогда, в случае успеха этой акции, можно будет назначить точное число и час наступления. А в случае провала — всё отменить... — Адмирал прищурился, вглядываясь в лицо своего заместителя, который, казалось, его не очень-то слушал. — Ага. По усиленному морганию вижу, что твои мозги уже заработали. Ну-ка, ну-ка.

— Знаешь, Вилли, свинья действительно гениальна. — Генерал сосредоточенно потер подбородок. — Он в самом деле произнес ключевое слово. Слушай.

Собеседники наклонились друг к другу, и генерал быстро-быстро заговорил, едва поспевая за мыслями. Из-за спешки он проглатывал слова и целые куски фраз, но адмирал схватывал на лету, энергично кивая. Такса беспокойно завертела головой, взвизгнула, соскочила на пол.

Начальник и заместитель постоянно обрывали и перебивали один другого, но это совершенно не мешало ходу дискуссии. Они сейчас находились в своей стихии и больше всего, пожалуй, напоминали двух джазистов в самый разгар джем-сешна.

Если кто-нибудь посторонний подслушал бы этот сумбурный разговор, то вряд ли что-нибудь понял.

— Роль личности в истории, — бросал реплику один.

— «Суша теория, мой друг», — понимающе кивал второй.

— Как сделать, чтоб за деревьями не увидели леса? Да очень просто! — восклицал генерал.

— И нечего распыляться, — вторил ему адмирал. — А то разведка, контрразведка, НКВД, НКГБ, «Служба связи» — черт ногу сломит... Пустая трата времени!

С четверть часа поговорив подобным невразумительным образом, собеседники откинулись на спинки кресел и удовлетворенно задымили сигарами.

— Что ж, концепция есть, — пыхнул синеватым дымом Адмирал. — И неплохая.

Генерал был более категоричен:

— Единственно возможная.

— Вероятность успеха?

Подумав, заместитель сказал:

— Пятьдесят процентов.

— Что ж, не так мало. Наша везучая свинья, бывало, ставила и на меньшее. Надеюсь, ты понимаешь, Зепп, что в случае проигрыша расплачиваться придется собственной шкурой?

— Разве в нашей профессии когда-то было иначе? — небрежно дернул плечом генерал. — Только в прежние времена перед тобой клали револьвер с одной пулей, а теперь подвешат на мясницком крюке. В сущности, невелика разница.